

ГОНКОНГ. По сообщению гонконгского журнала «Фар истерн экономик ревью», известная солистка китайской классической оперы Хун Сянь-нуй покончила с собой, выбросившись из окна шестого этажа. Самоубийству предшествовала кампания травли со стороны «красных охранников». В «дацзы бао», которые вывешивались у подъезда ее дома и на стенах оперного театра в Кантоне, певичку обвиняли в перерождении и других грехах.

Незадолго до самоубийства «красные охранники» провели острозажигательную кампанию по улицам Кантона. В одном из вывешенных после ее смерти «дацзы бао» утверждалось, что, «покончив с собой, Хун Сянь-нуй подло убежала от уготованного ей наказания».

ЗНАКОМСТВО с жизнью Гуанчжоу (Кантона), города очень своеобразного, не похожего на другие города Китая, близилось к концу. Программа, как это часто случалось, была перенасыщена, и поздними вечерами немалого труда стоило разобраться во всех фактах и впечатлениях, туго спрессованных в голове и записных книжках. Последний вечер поэтому внимательные хозяева решили сделать чисто «развлекательным» — меня просто пригласили в театр.

Я охотно принял приглашение, поскольку довольно сносно знал пекинскую оперу и интересно было сравнить ее с не менее знаменитым гуандунским театром, ну и, наконец, я просто не смог бы огорчить отказом моего верного спутника — переводчика в поездке, уроженца этой провинции, который чрезвычайно деликатно, но достаточно часто напоминал мне, что в спектакле будет играть сама Хун Сянь-нуй и что, будь я любым иностранцем, а не советским журналистом, билеты достать было бы просто невозможно. Шел 1959 год.

...Театр был переполнен. Внешне публика мало отличалась от театральных зрителей других провинций. В одежде преобладали синие курточки, ставшие чем-то вроде национальной формы Китая, белые рубашки и защитные гимнастерки. Привлекал внимание сидевший совершенно неподвижно слева от меня сухонький старичок с редкой седой

АКТРИСА БОЛЬШОГО СЕРДЦА

бородкой, сжимавший в узких морщинистых руках томик стихов. Впереди почти целый ряд занимала молодежь, оживленная и чуть-чуть шумливая. Много было женщин, некоторые с детьми на руках. Меня всегда занимало, почему китайские детишки так тихо ведут себя в театрах.

И в этот раз они совершенно спокойно просидели весь спектакль на коленях своих матерей, ни единым звуком не выдавая своего присутствия.

Раздвинулся занавес и легким ветерком сдул все звуки в зале.

На сцене молодая красавица в сопровождении императорского посла подъезжает к границе. Здесь она должна проститься с родиной, любимым человеком, с подругами. Девушка добровольно согласилась стать наложницей соседнего царя, старого и жестокого, чтобы избавить свой народ

от страданий, от бедствий войны. Чем ближе граница, тем сильнее ветер. Он несет тучи песка, рвет одежду, засыпает глаза. Беспokoйно ржут кони, пятятся назад, вздымаются на дыбы... Все это хорошо представляешь, хотя на сцене лишь одна Хун Сянь-нуй, а в руках скупая программа на сером листике бумаги.

Я не понимал многих условностей и традиций театра, мне недоступны были слова арий и песен, но меня трогало вдохновенное искусство, поразительная филигранность мастерства пластики и жеста.

Нарядка я поглядывала на зрителей. Мой сосед, старичок, не смахивая слез, беззвучно шепеля губами, подпевая артистке, а его белая голова тихонько покачивалась в такт музыке; напряженно встали черные вихристые головы ребят впереди нас; сопровождавший меня переводчик уже с первого акта махнул рукой на свои обязанности. Нельзя было найти хоть одну пару скучающих, безучастных глаз.

После спектакли англодемптам не было конца. Переводчик, не переставая оглавно хлопать в ладоши, прокричал:

— Может быть, вы хотите побеседовать с Хун Сянь-нуй?

— Я бы с удовольствием, но удобно ли... — Мой спутник только улыбнулся в ответ и ринулся за кулисы.

Примерно через полчаса мы уже были в гостях у Хун Сянь-нуй.

Просто обставленная гостиная, на низеньком столике три чашки

с зеленым чаем, засахаренные орехи, конфеты в разноцветных бумажках. Без грима, в скромной ситцевой кофточке, хозяйка совсем не похожа на театральную приму. У нее простое, доброе и очень усталое лицо — видно, спектакль дался не просто, прическа самая обыкновенная, множество таких я видел на текстильных фабриках Шанхая и Тяньцзиня, и замечательные, лучистые с лукавинкой глаза.

Спросив, понравился ли нам спектакль, Хун Сянь-нуй отгородилась обеими руками от наших восторгов и серьезно сказала, что в ее роли еще не все сделано, что вместе с товарищами по работе она постоянно ищет новые краски, новые средства глубокого и точного показа характера ее героини.

— Образ отважной девушки-патриотки. — говорит она, — я начала создавать еще в Гонконге...

— В Гонконге?

— Да, до конца 1955 года я жила и работала там, там же впервые вышла на сцену.

Немного помолчав, она продолжала:

— В Гонконге я стала известной, но не смогла пайти даже маленького кусочка счастья. В этом огромном городе нет места для радости настоящего творчества, там царствует торговля, все проникнуто духом наживы.

С болью вспоминает Хун Сянь-нуй, как не хотелось ей играть в пошлених развлекательных пьесах, а играть приходилось; как алчность антрепренеров доводила ее до иступления, до отворачивания к своей работе, которой она посвятила себя с детства.

Наполнив наши чашки свежим чаем, хозяйка, извинившись, покидает нас. Надо посмотреть, как спит дочка. Через минуту она возвращается и сообщает с довольной улыбкой матери:

— Хорошо спит, спокойно.

Я пропущу рассказать, что побудило ее приехать в Китайскую Народную Республику.

— А разве недостаточно того, что я уже рассказала? — отвечает Хун Сянь-нуй вопросом и тут же добавляет:

— Здесь моя родина, мой народ. Я не могла быть в стороне, когда совсем рядом, в моем Китае, свершались великие дела, я не могла смотреть на небо из глубокого колодца. И потом я очень люблю искусство. Вы можете мне не поверить, но за три года работы здесь я достигла больших успехов в искусстве, чем за все предыдущие годы.

Рассказывать о своей работе Хун Сянь-нуй, видимо, могла бесконечно, забыв об усталости, о позднем часу, о том, что на завтра снова предстоит трудный день: репетиции, работа с учениками, отбор лучших произведений старого репертуара и снова спектакль... С особым удовольствием говорила она о своих творческих планах, о новых ролях, о работе в кино — ведь она так успешно снималась последние время. Она даже показывала нам отдельные элементы, которые нашла для своей новой роли в пьесе Го Мо-жо.

Когда мы уже собирались прощаться, Хун Сянь-нуй сказала:

— Все же самое прекрасное, что я встретила здесь, в Китайской Народной Республике, — это отношение к человеку. Впрочем, нам ли это рассказывать. Ведь для нас сердечное, искреннее отношение к человеку, уважение к его труду стало так же обычно, как дыхание.

Хун Сянь-нуй подписывает нам на память свои фотографии и идет провожать нас за ворота, несмотря на наши решительные протесты.

Всю дорогу до гостиницы ни переводчик, ни я не проронили ни слова, хотелось подольше сохранить обаяние встречи с замечательным человеком, щедро подарившим нам столько памятных часов, артисткой, огромный талант которой соперничал с широтой и нежностью сердца.

Б. ИВАНОВ.

Сов. кул. муз., 1966, 5 декабрь